

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Кочухова Е.С., Мартьянов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 2, с. 45–66.

УДК 323.172:330:316.44
DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566

КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД ИЛИ ПРАВО НА ГОРОД: АЛЬТЕРНАТИВЫ УРБАНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Елена Сергеевна Кочухова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: elenascause@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7329-2046

Виктор Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук, доцент,
врио директора Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: martianovu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7747-0022

Материал поступил в редколлегию 23.03.2019 г.

В статье поднимается проблема центр-периферийной поляризации российских городов и исследуются конкурирующие сценарии городского развития. Социально-политическая и экономическая специфика российского городского развития

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

встраивается в глобальный контекст. Аргументируется интерес властных городских субъектов к неолиберальной риторике. Описываются ограничения попыток перехода сети российских городов к постиндустриальной урбанистической экономике. Развитие современных городов России рассматривается через призму неомарксистской критики капитализма. Этот подход позволяет (1) дезавуировать парадоксальные противоречия в сложившейся системе бюджетного федерализма; (2) поставить вопрос о переоценке статуса городов в системе государственного управления; (3) обнаружить системную проблему в попытках реализовать стратегии креативного развития на базе периферийного капитализма; (4) обосновать значимость борьбы за право на город для выхода из стагнации. В статье доказывается, что поддержание асимметричного обмена ресурсами между федеральным бюджетом и бюджетами крупных городов противоречит задаче модернизации российских городов. Предлагается стимулировать развитие крупнейших городов России путем их вывода из логики территориального подчинения региональной власти и посредством придания мегаполисам статуса городов федерального значения. Этот шаг стимулирует опору городов на собственные источники развития, связанные с их человеческим и социальным капиталом. В качестве стратегического решения предлагается переориентация российских городов на новых субъектов модернизации. Децентрализация власти, повышение административного статуса *городов-миллионников*, вовлечение горожан в решение вопросов об общем благе становятся главными альтернативами существующей политике управления.

Ключевые слова: креативный город, право на город, человеческий капитал, децентрализация, делегирование полномочий, местное самоуправление.

Согласно стратегическим прогнозам главный вклад в развитие страны будет вносить городская экономика. В городах высокоразвитых стран вырабатывается 85% ВВП, среднеразвитых – 73%, слаборазвитых – 55% (Oyelaran-Oyeyinka, Lal 2016). В связи с этим государство должно сосредоточиться на повышении вклада агломераций и *городов-миллионников* в экономический рост. Перспективы роста экономики городов оцениваются как более высокие, чем в среднем по стране (Новая повестка... 2017). Какие модели развития могут выступить в качестве ориентиров в таком случае? Близкий к Кремлю *Центр стратегических разработок* ориентируется на абстрактный *глобальный город* и настаивает на необходимости увеличивать финансовые возможности городов, чтобы преодолеть ограничения межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий.

В условиях центр-периферийной поляризации мира (Валлерстайн 2006; Friedmann 1966) *глобальный город* (Sassen 1991), эффективно включенный в мировые экономические потоки, в качестве образа успешного будущего противопоставляется бедным мегаполисам развивающихся стран. Оба типа города присутствуют в глобальной экономике, однако первые выступают как интеллектуальные, управленческие, финансовые постиндустриальные центры, а вторые – как источник дешевых ресурсов. Если можно стимулировать процесс развития в направлении к одному из этих полюсов, то как поощрять создание городов, привлекательных для всех жителей, для высококлассных специалистов и для постиндустриальной экономики? В этой статье мы рассмотрим две альтернативы городского развития с точки зрения их примени-

мости в российском контексте. С одной стороны, это концепция *креативного города* (Флорида 2005; Лэндри 2011), с другой – идея *права на город* (Харви 2008). Как примеры сценариев городского развития нас интересуют принятые в России попытки трансформации городских пространств, экономики и культуры, подкрепленные аргументами сторонников креативного развития городов, а также возможности реализации права на город.

Стратегии *креативного города* и *права на город* принадлежат разным субъектам политического действия, чьи групповые интересы не совпадают, порождая принципиально разные иерархии коллективных предпочтений и классовые перспективы взгляда на город как место достойной жизни, самореализации и доступа к необходимым ресурсам. Креативный город – это неолиберальная стратегия развития, ориентированная на относительно независимое от разных форм социальной поддержки меньшинство городского населения. Креативное меньшинство адаптировано к возможным негативным трансформациям городского рынка труда в малочисленных, но высокооплачиваемых экономических нишах. Проблема заключается в том, что индивидуализированные жизненные сценарии представителей креативного класса не могут быть использованы большинством горожан в качестве массовых доступных образцов, поскольку успех креативного класса основан на наличии ряда неявных ограничительных условий, о которых в дискурсе креативного города умалчивается (например, элитное образование, родственные связи и человеческий капитал как внеэкономические преимущества; эксклюзивный доступ к властным ресурсам и неконкурентным контрактам; ограниченность самих креативных сегментов в экономике, которые не требуют расширения занятости и т.д.) (Мартьянов 2016). При этом неолиберальный проект *креативного города* и креативного класса, апеллируя к утопическим возможностям, которых у большинства никогда не было и не будет, становится убедительным аргументом для отказа городских элит учитывать в качестве ядра стратегий городского развития приоритеты, интересы и потребности большинства. Левые стратегии права на город, наоборот, ориентированы на выравнивание прав, возможностей и доступа к городским ресурсам и инфраструктуре для всех горожан. Это предполагает выработку политических решений, основанных не на рациональном эгоизме и конкурентном индивидуализме специфической модели *человека экономического*, а на том, что достойное существование человека само по себе представляет базовую безусловную ценность, необходимым образом лежащую в основе всех иных приоритетов.

Предлагаемый в статье материал опирается на анализ ключевых приоритетов современного городского развития, связанных с распределением местных бюджетов, ресурсов, технологий и коммуникаций. На наш взгляд, это распределение осуществляется в центр-периферийной логике углубления территориального неравенства, которая в России легитимируется политическими решениями на самом высоком уровне.

Так, в *майских указах* Президента РФ от 7 мая 2012 года фактически закрепляется радикальное неравенство условий жизни бюджетников российских регионов как новая социальная норма. В первое десятилетие XXI в.

разница доходов людей, занятых аналогичным трудом в Москве/Санкт-Петербурге и на периферии, достигающая пятикратных размеров, рассматривалась как важная социоэкономическая и политическая проблема в контексте ценностей стабильности и равномерного развития территорий. Вырабатывались разные стратегии по сглаживанию сильного регионального неравенства и распределению межбюджетных трансфертов. Однако в качестве стратегической политической задачи был обозначен лишь выход оплаты труда бюджетников на 100–200% по региону, вне зависимости от исходных и несправедливых диспропорций, усиливающих межрегиональное неравенство.

Данные Росстата подтверждают наличие рекордной *региональной ренты* в оплате аналогичного труда бюджетников: в оплате труда научных сотрудников федеральных учреждений – почти в 3 раза (48,3 тыс. руб. – средняя зарплата в Псковской области, 126,8 тыс. руб. – в г. Москве); в оплате труда врачей – в 3 раза (42,2 тыс. руб. – средняя зарплата в Ингушетии, 136,4 тыс. руб. – в г. Москве); в оплате труда преподавателей вузов в 3 раза (44 тыс. руб. – в Ивановской области, 139,1 тыс. руб. – в г. Москве)¹. Указанные региональные разрывы растут, не будучи обусловленными аналогичными различиями в стоимости жизни в разных регионах. (Из выбранных примеров сознательно исключены регионы Крайнего Севера, стоимость жизни в которых де-факто наиболее дорога, а условия проживания наиболее суровы, что отражается и в справедливо высоких зарплатах бюджетников. С учетом северных регионов представленные выше региональные разрывы были бы еще контрастнее.) Более того, Москва, например, выделяет своим *коренным жителям* (стаж прописки от 10 лет) дополнительные *политические ренты*, касающиеся высоких ежемесячных пособий на детей, имеет возможности для финансирования коммунальной инфраструктуры, дотаций на оплату ЖКХ, медицины и иных отраслей жизнеобеспечения граждан, которые в разы превышают аналогичные показатели в других регионах². В *лужковский период* существовала «столичная рента ... в виде «московских» надбавок к пенсиям и заработной плате бюджетников, субсидирования из бюджета расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг» (Зубаревич 2018: 30). В *собянинский период* целевые политические ренты москвичей немного сократились в пользу расширения инфраструктурных и транспортных проектов. В частности, в 2017 г. среднедушевые московские показатели расходов на ЖКХ превысили общероссийские в 6,9 раз, в том числе на благоустройство – в 15,4 раза (Зубаревич 2018: 32).

Все это противоречит универсальным эгалитарным принципам социальной поддержки граждан в СССР, где особые надбавки вводились лишь на опасных производствах и в регионах с суровыми климатическими условия-

¹ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-март 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/03-18/it-tab03-18.rar

² Минимальная пенсия в Москве повышена до 17,5 тыс. руб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/594186>

ми проживания, за что люди расплачивались своим здоровьем. В настоящее время экономически не обусловленная, но оправданная рентно-сословным лоббизмом разница в реальных возможностях доступа к государственным услугам и общественным ресурсам между отдельными регионами такова, что дифференциация регионов по уровню жизни уже превосходит различие в уровне жизни разных стран. Согласно докладу Всемирного банка, неравенство уровня жизни граждан отдельных российских регионов сопоставимо с неравенством Сингапура и Гондураса, а Россия входит в тройку стран-лидеров по региональному неравенству (Bussolo et al. 2019). Таким образом, мы имеем дело с политико-географической рентой, в которую в той или иной степени вовлечено население избранных российских регионов и которая трудно соотносима с чем-то иным, кроме следования модели асимметричного бюджетного федерализма, ориентированной на поддержание *рентно-сословного неравенства в территориальном измерении вместо решения задач его элиминации*.

Более того, центр-периферийная поляризация как объяснительная модель экономических отношений, прилагаемая к анализу российских городов, обнаруживает донор-реципиентную логику отношений между крупными, средними и малыми городами. Доминирующую позицию занимают города, которые стягивают 32,7 миллиона населения России, то есть 22,4% от общего количества населения и 30,2% – от городского¹. В этих городах среднемесячные начисляемые зарплаты на 30–50% выше, чем в регионах их расположения в целом. За вычетом *городов-миллионников* разница между региональными столицами и их перифериями была бы еще сильнее (Петухов 2017: 15). В менее выгодном положении оказываются малые и средние города, которые становятся поставщиками мигрантов в *миллионники*. Непривлекательность проживания в малых и средних городах описывается не только через миграционный переток населения в крупные города, более высокую безработицу и более низкий уровень средних доходов и зарплат (Волкова, Соколов, Терентьев 2015), но также через общий дефицит жизненного пространства. В России все меньше территорий и населенных пунктов, в которых «существуют приемлемые условия современного воспроизводства жизнедеятельности населения (рабочие места, жилье, инфраструктура, безопасность, экология, рекреация и пр.)» (Слепаков 2012: 84).

Центр-периферийная логика характеризуется тем, что политические процессы выравнивания и дифференциации доступа граждан и локальных сообществ к разнообразным ресурсам действуют с переменным успехом. С одной стороны, ресурсы и возможности постоянно стягиваются от периферии к центрам, с другой – центр одновременно заинтересован в экономическом развитии периферии как источника долгосрочного налогового дохода и ресурсной эксплуатации. В зависимости от положения страны в мироэкономике, состава политических субъектов, *колеи* предыдущего развития, налогооблагаемой базы городского бюджета, эффективности институтов достижения городского консенсуса, активности отдельных сообществ

¹ Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/bul_dr/mun_obr2015.rar . С. 95.

и ряда других параметров в управлении современным городом могут преобладать две взаимоисключающие стратегии. Так, может превалировать неолиберальная модель управления *креативный город*, связанная с оправданием дифференциации городских сообществ, свертыванием социальных программ, критикой социального государства, верой в неисчерпаемые возможности расширения рынков и справедливость рыночной саморегуляции, а также с попытками политической опоры на интересы активных креативных меньшинств. Альтернативой ей выступает модель выявления долгосрочных интересов большинства, связанная с приоритетом внерыночного выравнивания возможностей горожан и их вовлечения в процессы местного самоуправления, ориентированная на реализацию левой стратегии права на город. Далее мы попытаемся, опираясь на сравнительный анализ, статистику и учет накопленного мирового опыта, оценить возможности и целесообразность применения указанных стратегий в реалиях российских городов.

Концепция креативного города: ограничения в российском контексте. Концепция *креативного города* связана с именами Ричарда Флориды и Чарльза Лэндри. Флорида выводит формулу креативного города, в котором должны сочетаться «талант, толерантность, технологии», то есть город должен предоставлять разнообразие экономических возможностей и обладать «стимулирующей атмосферой», которая поддерживает «множество различных стилей жизни с их инфраструктурой» (Флорида 2005: 25). Другая модель *креативного города*, восходящая к исследованиям Лэндри, предполагает в качестве основы городского развития *капитализацию исключительности*. Культурные индустрии рассматриваются как двигатель городской экономики и понимаются предельно широко: это одновременно и капиталоемкие цифровые кино, телевидение, видеоигры, и требующие ручного труда ремесла, искусства, дизайн, высокая мода, и разработка программного обеспечения, и продажи (Хокинс 2011), и способность решать коммунальные проблемы (Лэндри 2011).

Идеология *креативного города* декларирует поддержку разнообразия и уникальности сообществ, но на практике ориентирована на интересы лишь некоторых из них. Креативное развитие требует понимания культуры как капитала, обучения технологиям работы с этим капиталом, а также наличия инфраструктуры, поддерживающей культурные индустрии. Это сочетание оказывается возможным лишь в определенных пространствах избранных постиндустриальных городов. Так, будучи релевантной прежде всего, постиндустриальным обществам с их расширяющимися постматериальными ценностями и целями самореализации и самовыражения граждан (Инглхарт, Вельцель 2011), идеология *креативного города* заметно трансформируется при попытке ее реализации за пределами развитых стран. Показателен пример, который приводит Лэндри: учет потребностей местных сообществ при разработке городских проектов в развивающихся странах заставляет переходить к решению базовых для выживания проблем (обеспечение работой или городская гигиена) вместо создания креативной индустрии (Лэндри 2011: 54, 76, 221).

В своей последней книге Р. Флорида открыто признает, что декларируемые им ранее приоритеты для развития креативных отраслей городской экономики лишь усилили отрыв богатых от бедных, оказавшись бесполезными для рабочего класса и бедных слоев населения, и ведут к новой *колониализации* городов привилегированными слоями (Флорида 2018). До этого он более десяти лет ограничивался написанием новых предисловий к очередным изданиям своего бестселлера, увидевшего свет в 2005 г., где признавал, что переоценил возможности креативного класса, в свете глобального экономического кризиса 2008 г. В новой книге он откровенно квалифицирует попытки сделать креативный класс драйвером социальных изменений как свершившийся провал. Креативная стратегия привела к радикализации центр-периферийного расслоения городов, размыванию среднего класса и деиндустриализации, которая не была компенсирована ростом занятости в креативных отраслях. Поэтому Р. Флорида закономерно эволюционирует от неолиберализма к левым взглядам, когда призывает «превратить низкооплачиваемую работу в сфере услуг в работу на уровне среднего класса», «дать больше власти городам и сообществам» или «инвестировать в людей и городские районы, чтобы покончить с бедностью» (Флорида 2018: 233-246). Очевидно, что это слишком общие и популистские лозунги, не принимающие в расчет социально-политические факторы и выходящие за рамки городской экономики, которой ограничена область рассуждений Р. Флориды.

В развитии крупных российских городов наблюдается склонность к реализации постиндустриальных сценариев развития. Однако лишь в Москве, Санкт-Петербурге и, возможно, отдельных *городах-миллионниках* (Екатеринбург, Казань, Пермь и др.) наличествующая инфраструктура и накопленный культурный капитал позволяют зафиксировать отличный по своему объему от статистической погрешности сектор креативной экономики (Лавриненко 2015). В этих городах появляются некоторые признаки неолиберальной трансформации городских районов (Брукс 2013; Зукин 2015). Но не поддерживаемые массовой городской культурой велодорожки, кофе на вынос, парки и набережные, ярмарки и фестивали становятся лишь смутным, неубедительным прообразом возможных перемен. На велодорожках муниципальные службы ставят цветочные вазоны или столбы со знаками дорожного движения, как, например, в Екатеринбурге (Черных 2017). Гаражные сейлы, джаз-фестивали, фермерские ярмарки оказываются новым типовым продуктом, что противоречит идее уникальности и разнообразия, заложенной в идеологию креативного развития.

В России системный интерес к развитию городской культуры и вовлечению горожан в культурное производство и потребление маркированы попытками трансформации публичных пространств. Среди наиболее ярких примеров преобразования городских публичных пространств можно отметить проекты команды Сергея Капкова в Москве (Вахштайн 2014) и Пермский культурный проект (Гладких и др. 2011). В других крупных городах, в частности в Екатеринбурге, креативная логика развития не получила мощной властной поддержки, но было создано пространство для различных культурных инициатив, причем некоторые из них выстраиваются

по неолиберальным сценариям (освоение индустриальных пространств современным искусством с эффектом последующей капитализации места), некоторые – по коммунитаристским установкам (волонтерские и крауд-фандинговые проекты, нацеленные на исследование и сохранение истории места, отдельных знаковых объектов).

Несмотря на публичную переоценку Р. Флоридой универсальности и эффективности его собственных идей *креативного класса/города*, последние давно и успешно функционируют в пространстве управленческих логик и стратегических планов городского развития автономно от породившего их автора. Популярность концепции креативного города по-прежнему поддерживается ее столичными агентами. Один из двигателей креативного развития Москвы – образовательный проект Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – отправляет в регионы собственные *десанты* для эпизодического решения местных проблем. Этот, по сути, колонизаторский подход игнорирует местные культурные особенности, которые могли бы стать материалом для системных проектов капитализации городской исключительности. Хотя риторика креативного города вдохновляла и вдохновляет отдельные городские преобразования в России, в целом неолиберальная модель капитализации культуры, предлагаемая идеологами креативного развития городов, не может быть полноценно реализована в контексте российского городского развития в силу отсутствия ресурсов для создания значимых сегментов постиндустриальной экономики. В отличие от креативных групп, чьи ресурсы определяются преимущественно рынком, большинство в российских городах является ресурсозависимыми от государства и его агентов социальными группами – сословиями: рабочие госпредприятий и разнообразных учреждений, пенсионеры, инвалиды, получатели и субподрядчики госзаказа, регионального и муниципального заказа (Кордонский, Дехант, Моляренко 2012). Поэтому попытки стимулировать экономическое развитие российских городов через развитие культурных индустрий имеют характер ограниченных подражательных экспериментов. Экономическая статистика показывает, что даже в таких передовых местах производства социальных, культурных, технологических образцов, как крупные российские города, главные направления изменений связаны не с пост-, а с обычной деиндустриализацией городской среды и парадоксальным ростом без развития, который состоит в преобразовании советской модели индустриальных городов-заводов в модель города – торгового центра (Мартьянов, Руденко 2012). Точечных социокультурных инноваций, связанных с запуском креативных индустрий (кино, дизайн, мода, реклама, СМИ, компьютерные игры и т.п.), оказывается недостаточно для преобразования совместных условий жизни и расширения возможностей большинства горожан (Мартьянов 2016).

Таким образом, стратегия креативного развития отвлекает внимание от радикализации центр-периферийного характера городского развития, когда центр города развивается за счет ресурсов окраин, крупные города – за счет своих обширных периферий, а страны центра капиталистической экономики имеют возможности глобально перераспределять в свою пользу

наиболее выгодные ресурсы остального мира. При этом издержки развития достаются большинству, все более неуверенному в своем будущем. Это жертвы финансовых пузырей, плохой экологии и транспортной логистики; это прекариат и безработные, чье число постоянно увеличивается автоматизацией и роботизацией, и т.д. Нарастание скрытой массы социальных противоречий можно наблюдать даже в городах, считающихся образцом глобального креативного развития, например в Сан-Франциско – ключевом пункте Силиконовой долины (Walker 2018). Момент перераспределения в процессах экономического развития и накопления городских ресурсов креативными теориями обычно затушевывается, а получение ренты от проживания в определенном городе, принадлежности к социальному классу или от гражданства объявляется несущественным. Опровергая этот аргумент, Бранко Миланович доказывает, что наиболее эффективным способом изменения своего экономического положения, стоимости труда и доступных возможностей является изменение региональной/страновой географии проживания, которая в современном мире имеет большее значение, чем классовая принадлежность индивида (Миланович 2017).

Право на город в России: институциональные препятствия и возможные перспективы. Важным прагматическим изменением последних десятилетий является растущее понимание того, что город – это не только место, которое нуждается в *территориальном* развитии и *градостроительных* планах, ремонте фасадов, прокладке дорог и т.д. Таков лишь обезличивающий дискурс городской власти, стремящейся не видеть необходимости диалога с другими значимыми субъектами. Город все чаще интерпретируется как *сообщество* людей, нуждающихся в эффективных социальных коммуникациях, согласовании долгосрочных коллективных интересов и иерархий предпочтений относительно условий совместного проживания. Все это задает определенный уровень конфликтности и дискуссий разных субъектов, без которых выявление, согласование и реализация различных интересов и предпочтений невозможны.

Идея отстаивания права на разнообразное прямое и активное участие горожан в управлении городом выдвинута в 1968 г. Анри Лефевром (Lefebvre 1968). В настоящее время наиболее последовательно эта концепция раскрывается в работах Дэвида Харви, критикующего неолиберальные города, где на фоне пассивности большинства реальная власть все чаще осваивает и приватизирует городские пространства в частных и корпоративных интересах (Харви 2007; Харви 2008). Вставая на сторону большинства горожан, не имеющих возможности влиять на процессы городского развития, часто не способных обеспечить себе достойный образ жизни и удовлетворить базовые права граждан, Харви призывает добиваться права на преобразование города, «на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями» (Харви 2008: 93). Общие нужды в данном случае – это базовые потребности тех, кто обычно не имеет властной возможности влиять на городскую политику.

Классовая социальная стратификация, разделяющая горожан по условиям доступа к ресурсам и возможностям влияния на привилегированные

властные сословия и на де-факто исключенное из политического поля большинство, имеет место в российских городах. Однако в отличие от неолиберальных городов, описываемых Харви, в России местные городские элиты не располагают значимыми ресурсами. Сложившаяся в России иерархия распределения бюджетных ресурсов нивелирует финансовую независимость муниципалитетов. Доля местного самоуправления в консолидированном федеральном бюджете снижается на протяжении всего постсоветского периода. Если в 1991 г. она составляла 28% (Тургель, Целищева 2007: 167), то в 2000 г. – 14,7%, а в 2016 г. снизилась до 11,8%¹. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 г. передает местному самоуправлению ряд значимых полномочий, но не закрепляет за городами необходимую для их обеспечения налогооблагаемую базу. В результате функционирование городского самоуправления во многом становится а) подконтрольным вышестоящим органам власти, которые относятся к уровню государственного управления, и б) зависимым от постоянно пересматриваемых доходно-расходных лимитов городских администраций, которые они самостоятельно не контролируют. Более того, финансовая централизация сверху лишает российские муниципалитеты стимулов к наращиванию собственной налоговой базы и эффективному использованию финансовых средств, делая их критически зависимыми от объемов дотаций и субсидий, распределяемых вышестоящими уровнями власти.

В подобной перспективе система органов местного самоуправления фактически лишается ключевой роли выражения интересов горожан и местных сообществ и встраивается в систему государственной власти (Панкевич 2016). Местное самоуправление становится исполнителем внешних управленческих решений и зависимым получателем трансфертов для осуществления собственных функций (Туровский 2015). Локальные политические режимы перестают быть формами демократической самоорганизации горожан в целях самоуправления, решения взаимосвязанных проблем городского развития. В российских городах начинают превалировать механизмы принятия решений, монополизированные исполнительной властью либо градообразующими предприятиями (особенно в моногородах); элиты все чаще выстраивают общегородские приоритеты и распределяют ресурсы на уровне личного взаимодействия (Ледяев, Чирикова, Сельцер 2014).

Экстенсивная эксплуатация города как источника финансовых и человеческих ресурсов заслоняет общие внеэкономические интересы горожан, приоритеты развития публичных благ и коллективных городских пространств. В результате российские горожане в значительной мере лишены права на город как (а) права прямых выборов и прямого контроля мэра и иных должностных лиц, (б) источников формирования собственной ресурсной базы и (в) возможности независимого от внешних инстанций распоряжения общей судьбой в масштабах города. В России согласно Конституции

¹ Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, 2017. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/>

местное самоуправление отделено от системы государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Однако это не мешает органам государственной власти субъектов РФ повсеместно устанавливать принципы организации местного самоуправления, что явно противоречит ст. 131 Конституции РФ, в которой закреплено, что «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». Например, в последние годы были последовательно отменены прямые выборы глав всех *городов-миллионников* России. (Прямым голосованием последним был избран в 2014 г. глава администрации Новосибирска Александр Локоть, представляющий КПРФ.) Таким образом, российские мегаполисы как автономные центры современного экономического развития вытесняются на периферию сложившейся вертикали управления. Городские политические элиты все плотнее контролируются через различные сети и вертикали исполнительной, судебной и законодательной власти, а консолидирующая фигура сильного городского лидера элиминируется посредством манипуляций с электоральными механизмами и разделения полномочий между мэром города, сити-менеджером и городской думой.

Из постиндустриальной перспективы выглядит парадоксальной ситуация, когда *города-миллионники*, аккумулирующие треть городского населения страны, последовательно утрачивают элементы самоуправления. Поэтому представляется, что повышение административного статуса и расширение реальных полномочий городов, в соответствии с реализацией ст. 130–133 Конституции РФ, создадут хорошие перспективы для экономического развития городов и в конечном счете – для модернизации страны. Статистика красноречива: если в 2000–2015 гг. темпы роста российского ВВП на душу населения составляли в среднем 4,1% в год, то аналогичные темпы роста валового городского продукта (ВГП) в крупных городах – столицах субъектов РФ равнялись 7,7%. ВГП 81 столичного города России обеспечил 46% ВВП страны в 2015 г., при этом 67% этого вклада внесли 13 крупнейших городов (Полиди 2017b). Согласно экспертному прогнозу *Института экономики города* «крупные городские агломерации могут быть драйвером экономического роста для страны на ближайшие годы, показывая ежегодный рост на 5%. Вместе с крупными городами с населением более 100 тыс. человек, которые будут расти на 4,4%, они способны компенсировать низкие показатели малых (1,2%) и моногородов (0,6%), обеспечив общий рост экономики страны на уровне 3%» (Полиди 2017a).

Экономические расчеты показывают, что перевод 13 оставшихся российских *городов-миллионников* из муниципальных образований в статус города федерального значения (ГФЗ) в 2–3 раза увеличивает их эффективную доходную базу, позволяя рассматривать сеть *миллионников* как новый, а возможно и последний не задействованный, драйвер территориального развития России, создающий необходимую диверсификацию точек роста (Гусев, Юревич 2017: 62). Эти важные точки роста невозможно *размазать* по целым регионам, как невозможно выжать подобный эффект из давно дискредитировавшей себя практики *особых экономических зон*. Потенциал развития не может ограничиваться откровенно стагнирующими Москвой

и Санкт-Петербургом, выработавшими свой инвестиционный ресурс. Об этом косвенно свидетельствует застой в этих городах на рынке жилищного строительства, который пытаются преодолеть по бессмысленным программам *реновации*. Статус ГФЗ влечет для *миллионников* некоторые новые налоговые обязательства, а также увеличивает внутрирегиональное неравенство, но в долгосрочной перспективе это неравенство будет сглаживаться, территориальные агломерационные эффекты – усиливаться, а позитивные эффекты от роста привлекательности инвестиций в ведущие города распространятся на широкие прилегающие территории, включая соседние регионы. Однако в статусе муниципального образования достичь быстрых и позитивных агломерационных эффектов нынешней сети *городов-миллионников* практически невозможно. В управленческой и налоговой вертикалях крупнейшие города критически зависимы от лояльности и трансфертов региональной власти, составляющих более половины доходной базы городских бюджетов.

Чтобы стать экономическим драйвером, каждый город должен выстроить модель развития, ориентированную на собственные сравнительные преимущества (историческая колея, структура городской экономики, географическое положение, транспортная инфраструктура, отраслевая специализация и т.д.) и на доступные ресурсы в общероссийском и даже глобальном контексте, поскольку многообразие российских условий городского развития обуславливает неэффективность попыток разработать единообразную стратегию городского успеха и ее нормативное обрамление для всех российских городов. Города можно превратить в точки роста российской экономики, только предоставив им реальную возможность на местах решать широкий круг проблем городского развития. Это наиболее значимые повседневные проблемы, преимущественно связанные с инфраструктурой, ЖКХ, школами, детскими садами, дорогами, строительством жилья, общественным транспортом и т.д., которые оптимально решаются на уровне местного самоуправления. В отношении указанных сфер жизнедеятельности целесообразно максимально перераспределить полномочия в пользу местных сообществ как распорядителей налоговых средств на местах. Будучи погруженными в повседневную среду города, горожане и городские власти, в отличие от отчужденного и далекого государства и его агентов, часто полнее и лучше представляют, (а) какие повседневные приоритеты и/или долгосрочные преобразования действительно требуются городу, его отдельным районам и дворам, (б) какие проекты удовлетворяют их общим долгосрочным интересам и являются эффективными не во внутренней реальности вертикали управления, но в самой жизни граждан. Вопросы городского развития оказываются в центре внимания органов власти разного уровня, бизнеса, активных групп граждан. Городские группы интересов и ценностные обоснования их стратегий могут серьезно различаться и противоречить друг другу. Поэтому любые решения требуют согласования, выстраивания иерархии приоритетов между материальными и постматериальными ценностями, креативными технологиями и правами на город, интересами большинства и обеспечением запросов разнообраз-

ных лоббистов в условиях ограниченности доступных ресурсов. В каждом конкретном случае поиск собственной модели развития города потребует выявления и последующего компромисса всех значимых интересов.

Осуществляя политологический анализ стратегий развития городов, исследователи уделяют особое внимание использованию технологии сотрудничества: «...если локальные группы акторов (а также режимы, коалиции), несмотря на фрагментацию, все же совместно вырабатывают стратегии, то собственная логика будет обнаруживаться не в последнюю очередь именно в этих процессах выработки стратегий» (Циммерман 2017: 269). Способность городских администраций к диалогу с экспертами и сообществами по поводу будущего городов в современной России всегда оценивалась невысоко: «...городские власти не готовы мириться с тем, что городские сообщества, инфраструктуры, экономика – объекты чрезвычайно сложные. Легче отдать приказ и требовать немедленного его исполнения, чем изыскивать тонкие методы воздействия на сложную и хрупкую городскую инфраструктуру» (Высоковский 2012: 43). По-видимому, это положение сохраняется: отдельные примеры успешного сотрудничества муниципалитетов с сообществами не компенсируют общую логику неуважения властей к интересам граждан. Бесцеремонность властных претензий олигархов и чиновников периодически наталкивается на сопротивление горожан. Борьба петербуржцев против передачи Исаакиевского собора РПЦ, защита екатеринбуржцами акватории городского пруда от строительства «храма-на-воде», а также протесты против его строительства на месте сквера у Театра драмы, дискуссии вокруг «ночи длинных ковшей» (снос киосков и павильонов у станций московского метрополитена) и самоорганизация горожан для противодействия *реновации* (планы по сносу пятиэтажек в Москве) – актуальные, хотя и немногие примеры такого сопротивления. Однако исключения могут стать закономерностью, если будет осуществляться целенаправленное движение к *справедливому городу* (постепенно получающее институциональное и законодательное оформление) (Carmon, Fainstein 2013), а именно: а) если при принятии значимых решений акцент будет перенесен с соблюдения формальных процедур, в том числе легитимирующих ритуалов голосования, на содержательное, дискуссионное обсуждение конкретных городских проблем с максимальным возможным числом заинтересованных участников (поскольку только в условиях делиберативной демократии органы власти выступают как медиаторы, а не как монополисты городских решений); б) если при этом будет выравниваться статус лиц, принимающих решения, в том числе посредством создания смешанных органов, где голоса чиновников и политиков уравнены с голосами экспертов и обычных граждан (это позволяет скорректировать профессиональные изъяны специалистов, ангажированность лоббистов и групп интересов); в) если критериями всех планов и проектов будут, прежде всего, общее благо и интересы рядовых горожан и малого бизнеса, а не перспективы решения частных проектов и т.д.

В условиях исчерпания экстенсивных ресурсов роста, преимущественно связанных с внешними источниками (потоки непрехотливых

мигрантов; общее расширение потребительского спроса, коррелирующее с высокими ценами на энергоносители и т.п.), в качестве альтернативного фактора развития городов назревает расширение полномочий местного самоуправления вместе с делегацией им права самостоятельного формирования и распоряжения собственной налогооблагаемой базой. Наделение структур самоуправления финансово-экономическими полномочиями и повышение ответственности в перспективе позволяют вернуть городам социально-экономическую субъектность и инициативу. Более оперативно и точно реагируя на разные вызовы развития, достигая общественного согласия, создавая более плотную конкурентную городскую среду, города получают больше возможностей привлекать и удерживать инвестиции и трудовые ресурсы. Подобный подход, во-первых, снимает часть избыточного управленческого функционала с федерального центра, во-вторых, упраздняет громоздкую управленческую логику, связанную с централизованным, чрезмерно политизированным, неэффективным изъятием и последующим перераспределением доходов между регионами без учета тех эффективных сфер развития, которые имеют опору только в самих городах (Глазычев 2011: 364-365).

В современных российских условиях представляется перспективным выделение крупных городов в качестве самостоятельного уровня управления. Эта рекомендация звучит парадоксально с позиций формального разделения уровней, функций и предметов ведения системы государственного управления и местного самоуправления. Однако бюрократическое подчинение мегаполисов региональным управленческим надстройкам с постоянным изъятием ресурсов для *выравнивания территорий* зачастую затрудняет эффективное развитие межрегиональных, национальных и глобальных связей городов. Привилегированный статус Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (имеющего лишь 0,45 миллиона жителей) как городов федерального значения является значимым политическим ресурсом для их развития. Вместе с тем по своему значению, потенциалу и перспективам муниципальный уровень давно переросли и многие другие *города-миллионники*. Каждый из них не уступает по собственным ключевым экономическим показателям большинству субъектов Российской Федерации.

Желательная повестка российской урбанизации. Развитие современного города все сильнее противоречит логике капитализации и коммерциализации городских пространств, радикализирующей все социокультурные противоречия. Неолиберальная монетизация городского пространства для комплексного развития современных городов решает лишь частные и периферийные задачи, которые нельзя ставить в центр стратегий и планов городского развития. В такой перспективе горожанин редуцируется лишь к функционалу пассивного потребителя. Становятся востребованными обратная декапитализация и деконцентрация городских пространств в пользу малоэтажной застройки, бесплатных культурных индустрий, мест отдыха и рекреации. Растет запрос на демократизацию городских пространств, центр-периферийное выравнивание районов, преодоление логики нового *огораживания* и снос частных заборов, экологизацию, развитие обществен-

ного транспорта, комфортные парки, места для коллективного отдыха, обустройство тротуаров, набережных и велосипедных дорожек, на создание мест коллективного отдыха и т.д. Это город с точки зрения пешехода, гражданина, ребенка – безопасный, удобный для семьи, создающий места культуры притяжения и развивающий человеческий капитал большинства.

Поэтому в наиболее развитых странах экономикоцентризм все чаще уступает приоритету внеэкономических факторов развития в интересах большинства. Концепция *права на город* предлагает инструменты и механизмы для подобных изменений логики городского развития, поддерживая в числе прочего внеэкономические и постматериальные ценности. Большинство горожан заинтересовано не столько в частной прибыли, остающейся уделом немногих, сколько в создании благоприятных условий для воспроизводства человеческого капитала большинства горожан как ключевого элемента постиндустриальной экономики. На этом фоне все большую поддержку горожан получает дискурс права на город как общего блага, ориентированный на легитимацию политических и управленческих решений с позиций и посредством процедур агрегации интересов большинства (выборы, референдумы, публичные слушания и т.д.).

В России актуальная логика принятия городских управленческих решений пропитана неолиберальными идеями. Все больше социальных групп предстают как зависимые от государства получатели бюджетных ресурсов, не имеющие экономической ценности. Человеческий капитал большинства горожан перестает рассматриваться как главный ресурс городского развития, но все чаще превращается в источник угроз стабильности. Попытки большинства принимать коллективное политическое участие и влиять на механизмы выработки общегородских решений элиминируются властными элитами. С одной стороны, любая массовая активность снизу интерпретируется как вызов государству, экстремизм, нарушение негласного договора об обмене политической лояльности на доступ к бюджетным ресурсам. С другой стороны, апелляция элит к концепции креативного класса/города, по сути, является аргументом ухода от социально-политической ответственности перед большинством. Эти идеи прямо восходят к традиционалистским постулатам, призванным оправдать отсутствие доступа большинства к равным правам и ресурсам некими *объективными* моральными ценностями. Поскольку в современных условиях прямые апелляции к Богу выглядят архаичными, он замещается *невидимой рукой рынка* в целях обоснования преимуществ немногих избранных – креативного класса. В условиях крупных городов как пространственной концентрации современности со всеми ее технологическими преимуществами и классовыми противоречиями подобная протестантская риторика рыночного успеха меньшинства, заменившего божью благодать, является малоубедительной.

Стратегические перспективы современных российских городов связаны с поиском новых ресурсов и организационных технологий развития, предполагающих долгосрочный учет интересов и вовлечение большинства. Российская практика управления сетями мегаполисов, средних и малых городов с помощью встраивания их в иерархию национально-государственной

бюрократической системы обнаруживает свои пределы эффективности. Например, в российских городах центры занятости предлагают вакансии со средним размером оплаты труда в 54% от средней зарплаты в стране, а каждая десятая вакансия не дотягивает до минимальной оплаты труда (Беришвили 2018). А сам рост населения городов, обеспечиваемый миграционным притоком с разного рода периферий, свидетельствует не столько о развитии, сколько о пространственной перекачке ресурсов, усиливающей экономическое неравенство и асимметрию российских регионов.

Между тем стремление федеральных властей ограничить большие российские города структурой местного самоуправления (с постоянным сокращением его финансовой базы и полномочий) не соответствует их действительному вкладу в развитие страны и не позволяет раскрыть потенциал их политического, экономического, культурного влияния. Обращаясь к будущему, которое представлено преимущественно моделью постиндустриального развития, необходимо делать ставку на расширенное воспроизводство человеческого и культурного капитала городов. Однако прыжок к неолиберальной реальности креативных городов требует глобальной конкурентоспособности экономического и культурного капитала города. Подобная задача утопична для большинства городов даже постиндустриальных экономик, являясь приоритетом лишь, пожалуй, десятка глобальных городов. Для российских городов более эффективным представляется другой путь, который предполагает изменение бюджетных приоритетов в пользу самоуправления, обеспечения социальных благ для большинства, расширение механизмов коллективного участия, кооперации и согласования общих интересов.

В случае с крупными российскими городами, большинство из которых выступают ресурсными донорами для столиц или отдельных регионов, возможность удерживать человеческие и экономические ресурсы становится важной задачей для местного управления. В этой ситуации условием выхода российских городов из ловушки центр-периферийной поляризации становится институциональная реализация *права на город* как права на доступ всех горожан к широким социальным благам, права слабых городских субъектов заявлять и отстаивать свои интересы. Эта левая, неомарксистская повестка позволяет акцентировать внимание на качестве жизни населения российских городов, объединить горожан заботой об общем пространстве, солидарными моделями функционирования сообщества и освоения территории. Ее перспективы прямо связаны с российскими трансформациями более общей модели эгалитарного социального государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беришвили Н. 2018. Безработным предлагают зарплаты вдвое ниже средних по стране [Электронный ресурс], 17 апр. URL: <https://iz.ru/726624/nataliia-berishvili/bezrabotnym-predlagaiut-zarplaty-vdvoe-nizhe-srednikh-po-strane> (дата обращения: 12.02.2019).

Брукс Д. 2013. Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М. : Ад Маргинем Пресс. 296 с.

- Валлерстайн И. 2006. Миросистемный анализ: введение. М. : Территория будущего. 246 с.
- Вахштайн В. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. № 2. С. 9-38.
- Волкова О., Соколов А., Терентьев И. 2015. Исследование РБК: как вымирают российские города [Электронный ресурс], 22 янв. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f> (дата обращения: 20.02.2019).
- Высоковский А. 2012. Управление пространственным развитием // Отечеств. записки. № 3. С. 36-47.
- Гладких Н.В. и др. 2011. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края [Электронный ресурс] / Н.В. Гладких, Е.В. Зеленцова, Е.Х. Мельвиль, А.В. Попов, Е.А. Сачкова, К.Л. Филимонова. Пермь. 98 с. URL: <http://creativeindustries.ru/uploads/userfiles/file/Perm%20Concept.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
- Глазых В. 2011. Город без границ. М. : Территория будущего. 398 с.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. 2017. Города федерального значения как новый источник экономического роста // Общество и экономика. № 2. С. 53-70.
- Зубаревич Н. 2018. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? // Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития : сб. науч. ст. М. : Изд. Матушкина И.И. С. 25-36.
- Зукин Ш. 2015. Культуры городов. М. : Новое лит. обозрение. 424 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое изд-во. 464 с.
- Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. 2012. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Т. 21, № 2. С. 62-102.
- Лавриненко А.С. 2015. Актуальные вопросы государственного регулирования творческих индустрий // Вопр. гос. и муницип. управления. № 4. С. 135-159.
- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. 2014. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис : Полит. исслед. № 2. С. 88-105.
- Лэндри Ч. 2011. Креативный город. М. : Классика-XXI. 399 с.
- Мартьянов В.С. 2016. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и междунар. отношения. Т. 60, № 10. С. 41-51.
- Мартьянов В.С. 2017. Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития // Обществ. науки и современность. № 1. С. 165-176.
- Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2012. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 12. С. 316-330.
- Миланович Б. 2017. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 336 с.
- Новая повестка развития российских городов [Электронный ресурс], 18 сент. 2017. URL: <https://www.csr.ru/news/novaya-povestka-razvitiya-rossijskih-gorodov/> (дата обращения: 20.02.2019).
- Панкевич Н.В. 2016. Местное самоуправление в системе государственной власти // Полис : Полит. исслед. № 2. С. 62-77.
- Петухов Н.А. 2017. Сравнение крупных городов с регионами их расположения // Вестн. Южно-урал. гос. ун-та. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 11, № 3. С. 13-21.

Полиди Т.Д. 2017а. Освобождение городов: как агломерации помогут российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbanecomomics.ru/expert/polidi-tatyana-dmitrievna/osvobozhdenie-gorodov-kak-aglomeracii-pomogut-rossiyskoj-ekonomike> (дата обращения: 20.02.2019).

Полиди Т.Д. 2017б. Рейтинг столичных городов России от Фонда «Институт экономики города» [Электронный ресурс]. URL: http://www.urbanecomomics.ru/centrobshchestvennyh-svyazey/news/rejting-stolichnyh-gorodov-rossii-ot-fonda-institut-ekonomiki#_ftn2 (дата обращения: 20.02.2019).

Слепаков С. 2012. Вымирание малых городов и деревень в России: «огораживание» XXI века? // Альтернативы. № 3. С. 79-88.

Тургель И.Д., Целищева Е.Ф. 2007. О финансовой самостоятельности местных органов власти // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. Т. 18, №1. С. 167-173.

Туровский Р.Ф. 2015. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полит. исслед. № 2. С. 35-51.

Флорида Р. 2005. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI. 421 с.

Флорида Р. 2018. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М. : Изд. группа «Точка». 360 с.

Харви Д. 2007. Неолиберальная урбанизация [Электронный ресурс], 25 мая. Ин-т обществ. проектирования. 26 с. URL: <http://www.inop.ru/files/Harvey.doc> (дата обращения: 20.02.2019).

Харви Д. 2008. Право на город // Логос. № 3. С. 80-94.

Хокинс Д. 2011. Креативная экономика. М. : Классика-XXI. 256 с.

Циммерман К. 2017. Собственная логика городов: взгляд с точки зрения политологии // Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике / под ред. Х. Беркинг, М. Лёв. М. : Новое лит. обозрение. С. 262-292.

Черных М. 2017. «Столб, лестница, лужа, киоск»: общественники пересчитали препятствия на велодорожках Екатеринбурга [Электронный ресурс], 02 окт. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-478308.html (дата обращения: 20.02.2019).

Bussolo M. et al. 2019. Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia [Электронный ресурс] / Maurizio Bussolo, María E. Dávalos, Vito Peragine and Ramya Sundaram. Washington, DC : World Bank Group. 251 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

Carmon N., Fainstein S. (eds.) 2013. Policy, planning, and people: promoting justice in urban development / ed.by N. Carmon and S. Fainstein. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. 416 p.

Friedmann J. 1966. Regional Development. Boston : Policy. 196 p.

Lefebvre H. 1968. Le droit à la ville. Paris : Anthopos. 166 p.

Oyelaran-Oyeyinka O., Lal K. 2016. Urbanization and Structural Transformation [Электронный ресурс]. Nairobi : Un-Habitat. 44 p. URL: <https://unhabitat.org/books/urbanization-and-structural-transformation> (дата обращения: 20.02.2019).

Sassen S. 1991. The Global. City: New York, London, Tokyo. Princeton : Princeton Univ. Press. 397 p.

Walker R. 2018. Pictures of a Gone City: Tech and the Dark Side of Prosperity in the San Francisco Bay Area. Oakland : PM Press, Spectre. 480 p.

E. Kochukhova, V. Martianov. Kreativnyy gorod ili pravo na gorod: al'ternativy urbanisticheskogo razvitiya v rossiyskom kontekste [Creative city or right toward the city: alternative of urban development in Russian context], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 45–66. (in Russ.).

Elena S. Kochukhova, Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. Email: elenascause@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7329-2046

Victor S. Martianov, Candidate of Political Science, Interim Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. Email: martianovu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7747-0022

Article received 23.03.2019, accepted 29.04.2019, available online 01.07.2019

CREATIVE CITY OR RIGHT TOWARD THE CITY: ALTERNATIVE OF URBAN DEVELOPMENT IN RUSSIAN CONTEXT

Abstract. This paper considers the problem of the limited resources of extensive modernization and urbanization. The center-periphery polarization between Russian cities is described. The outlines of urban development are explored. City development in Russia is treated through neo-Marxist critical theory. This approach allows 1) to reveal paradoxical contradictions in the current system of fiscal federalism; 2) to raise the question of the reassessment of the cities' status in the state management system; 3) to detect a systemic problem in attempts to implement creative development strategies into peripheral capitalism; 4) to substantiate the importance of the struggle for the right toward the city in order to escape the demodernization's trap. The socio-political and economic specifics of Russian urban development are inscribed into the global context. The fact of interest of power subjects in neoliberal rhetoric is fixed. Limited attempts to pass to a post-industrial urban economy are described. On the base of the issue of fiscal federalism's consequences, the authors justify that maintaining the asymmetric exchange of resources between the federal budget and budgets of the cities contradicts the task of Russian cities' modernization. A structural solution that allow to stimulate the development of the biggest Russian cities under the existing conditions is proposed. It is necessary to withdraw them from the territorial logic of subordination to the regional authorities. This step can stimulate a short-term increase of social and economic inequality; but in the long-term perspective it will create own urban development resources which are related to their human and social capital. A reorientation to new subjects of modernization is proposed as a strategic decision. Decentralization of power, increasing the administrative status of the biggest cities, involving citizens in resolving issues of common good become the main alternatives to the existing demodernization logic of the state.

Keywords: creative city; the right to the city; human capital; decentralization; delegation of authority; local government.

References

Berishvili N. *Bezrabotnym predlagayut zarplaty vdvoe nizhe srednikh po strane* [The unemployed are offered salaries half the national average], April 17, 2018, available at: <https://iz.ru/726624/nataliia-berishvili/bezrabotnym-predlagaiut-zarplaty-vdvoe-nizhe-srednikh-po-strane> (accessed February 12, 2019). (in Russ.).

Brooks D. *Bobo v rayu: Otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There], Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 296 p. (in Russ.).

Bussolo M., Dávalos M.E., Peragine V., Sundaram R. *Toward a New Social Contract : Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia*, Washington, DC, World Bank Group, 2019, 251 p., available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf> (accessed February 20, 2019).

Carmon N., Fainstein S. (eds.) *Policy, planning, and people: promoting justice in urban development*, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2013, 416 p.

Chernykh M. «Stolb, lestnitsa, luzha, kiosk»: obshchestvenniki pereschitali prepyatstviya na velodorozhkakh Ekaterinburga [‘Pillar, stairs, puddle, stall’- citizens counted obstacles on Ekaterinburg bike paths], October 02, 2017, available at: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-478308.html (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative class: people who change the future], Moscow, Klassika-XXI, 2005, 421 p. (in Russ.).

Florida R. *Novyy krizis gorodov: Dzhentrifikatsiya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat'* [New Urban Crisis: gentrification, expensive real estate, growing inequality and what can we do about it], Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Tochka», 2018, 360 p. (in Russ.).

Friedmann J. *Regional Development*, Boston, Policy, 1966, 196 p.

Gladkikh N.V., Zelentsova E.V., Mel'vil' E.Kh., Popov A.V., Sachkova E.A., Filimonova K.L. *Permskiy proekt. Kontseptsiya kul'turnoy politiki Permskogo kraya* [The Perm project. The concept of the cultural policy of Perm Region], Perm, 2011, 98 p., available at: <http://creativeindustries.ru/uploads/userfiles/file/Perm%20Concept.pdf> (accessed February 12, 2019). (in Russ.).

Glazychev V. *Gorod bez granits* [The City Without Borders], Moscow, Territoriya budushchego, 2011, 398 p. (in Russ.).

Gusev A.B., Yurevich M.A. *Goroda federal'nogo znacheniya kak novyy istochnik ekonomicheskogo rosta* [Cities of federal significance as a new source of economic growth], *Obshchestvo i ekonomika*, 2017, no. 2, pp. 53-70. (in Russ.).

Harvey D. *Neoliberal'naya urbanizatsiya* [Neoliberal urbanization], May 25, 2007, Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 26 p., available at: <http://www.inop.ru/files/Harvey.doc> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Harvey D. *Pravo na gorod* [The Right to the City], *Logos*, 2008, no. 3, pp. 80-94. (in Russ.).

Howkins J. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], Moscow, Klassika-XXI, 2011, 256 p. (in Russ.).

Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. (in Russ.).

Kordonskiy S., Dekhant D., Molyarenko O. *Soslovnye komponenty sotsial'noy struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyy analiz i popytka modelirovaniya* [Class components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and modeling], *Mir Rossii*, 2012, vol. 21, no. 2, pp. 62-102. (in Russ.).

Landry Ch. *Kreativnyy gorod* [Creative City], Moscow, Klassika-XXI, 2011, 399 p. (in Russ.).

Lavrinenko A.S. *Aktual'nye voprosy gosudarstvennogo regulirovaniya tvorcheskikh industriy* [Topical issues of state regulation of creative industries], *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2015, no. 4, pp. 135-159. (in Russ.).

Ledyayev V.G., Chirikova A.E., Seltser D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian Town: the Configuration and Interaction of the Key Actors], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 88-105. (in Russ.).

Lefebvre H. *Le droit à la ville*, Paris, Anthopos, 1968, 166 p.

Martianov V.S. *Kreativnyy klass – kreativnyy gorod: real'naya perspektiva ili utopiya dlya izbrannykh?* [A creative class, a creative city: a real perspective or a utopia for the elite?], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 41-51. (in Russ.).

Martianov V.S. *Pozdnyy Modern i granitsy privychnogo kapitalizma: v poiskakh vneekonomicheskikh faktorov razvitiya* [Late Modernism and the boundaries of customary capitalism: in search of non-economic factors of development], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 1, pp. 165-176. (in Russ.).

Martianov V.S., Rudenko V.N. *Rossiyskie megapolisy: ot industrial'nykh gorodov k strategii mnogofunktsional'nykh aglomeratsiy* [Russian Metropolises: from Industrial City to a Strategy of the multi-functional Agglomerations], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2012, vol. 12, pp. 316-330. (in Russ.).

Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality. A New Approach for of Globalization], Moscow, Izdanie Instituta Gaydara, 2017, 336 p. (in Russ.).

Novaya povestka razvitiya rossiyskikh gorodov [A new agenda for the development of Russian cities], September 18, 2017, available at: <https://www.csr.ru/news/novaya-povestka-razvitiya-rossijskih-gorodov/> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Oyelaran-Oyeyinka O., Lal K. *Urbanization and Structural Transformation*, Nairobi, Un-Habitat, 2016, 44 p., available at: <https://unhabitat.org/books/urbanization-and-structural-transformation> (accessed February 20, 2019).

Pankevich N.V. *Mestnoe samoupravlenie v sisteme gosudarstvennoy vlasti* [Local Self-Government in the System of Government], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 62-77. (in Russ.).

Petukhov N.A. *Sravnenie krupnykh gorodov s regionami ikh raspolozheniya* [Comparison of big cities with their regions of location], *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment»*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 13-21. (in Russ.).

Polidi T.D. *Osvobozhdenie gorodov: kak aglomeratsii pomogut rossiyskoy ekonomike* [The liberation of cities: how agglomerations will help the Russian economy], 2017, available at: <http://www.urbanecomomics.ru/expert/polidi-tatyana-dmitrievna/osvobozhdenie-gorodov-kak-aglomeratsii-pomogut-rossijskoy-ekonomike> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Polidi T.D. *Reyting stolichnykh gorodov Rossii ot Fonda «Institut ekonomiki goroda»* [Rating of capital cities of Russia], 2017, available at: http://www.urbanecomomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/rejting-stolichnyh-gorodov-rossii-ot-fonda-institut-ekonomiki#_ftn2 (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Sassen S. *The Global. City: New York, London, Tokyo*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1991, 397 p.

Slepakov S. *Vymiranie malyykh gorodov i dereven' v Rossii: «ogorazhivanie» XXI veka?* [The Extinction of Small Towns and Villages in Russia: 'fencing' XXI Century?], *Al'ternativy*, 2012, no. 3, pp. 79-88. (in Russ.).

Tsimmerman K. *Sobstvennaya logika gorodov: vzglyad s tochki zreniya politologii* [The own cities' logic: a view from the perspective of political science], *Kh. Berking, M. Lev (eds.) Sobstvennaya logika gorodov: novye podkhody v urbanistike*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 262-292. (in Russ.).

Turgel' I.D., Tselishcheva E.F. *O finansovoy samostoyatel'nosti mestnykh organov vlasti* [On the financial independence of local authorities], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2007, vol. 18, no.1, pp. 167-173. (in Russ.).

Turovskiy R.F. *Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoj passivnosti* [Russian Local Government: The Agent of the State Government in a Trap of the Underfunding and Civic Passivity], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2015, no. 2, pp. 35-51. (in Russ.).

Vakhshayn V. *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* [Rebuilding the city: between language and space], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9-38. (in Russ.).

Vallerstajin I. *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-System analysis: An introduction], Moscow, Territoriya budushchego, 2006, 246 p. (in Russ.).

Volkova O., Sokolov A., Terentiev I. *Issledovanie RBK: kak vymirayut rossiyskie goroda* [Study of RBC: How dying out the Russian Cities], January 22, 2015, available at: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f> (accessed February 20, 2019). (in Russ.).

Vysokovskiy A. *Upravlenie prostranstvennym razvitiem* [Development and spatial planning], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 3, pp. 36-47. (in Russ.).

Walker R. *Pictures of a Gone City: Tech and the Dark Side of Prosperity in the San Francisco Bay Area*, Oakland, PM Press, Spectre, 2018, 480 p.

Zubarevich N. *Ekonomicheskie i byudzhetye preimushchestva Moskvy: kak oni formiruyutsya i ispol'zuyutsya?* [Economic and budget advantages of Moscow: how are they formed and used?], *Staraya i novaya Moskva: tendentsii i problemy razvitiya : sb. nauch. st.*, Moscoe, Izdanie Matushkina I.I., 2018, pp. 25-36. (in Russ.).

Zukin Sh. *Kul'tury gorodov* [The Cultures of Cities], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 424 p. (in Russ.).